

Опера-буффа.

Ча И Сок ненавидел жару. Поскольку его тело легко перегревалось, дома он обычно ходил полуголым. Даже в первые весенние дни, когда в лужах ещё хрустел лёд, а воздух был слишком свеж, он неизменно принимал только холодный душ. Однако, ночью засыпал только обвив руками Ябу и закинув на него ногу. Когда тот ворочался из-за близости горячего тела и давящего веса, Ча И Сок прижимал его ещё сильнее. Приоткрывал глаза и, убедившись, что Яба по-прежнему в его объятиях, снова проваливался в сон.

Пищевые привычки Ча И Сока были крайне противоречивыми. Еда, которой коснулись палочки, считалась уже использованной и её остатки в тот же день летели в мусорное ведро. Но стоило Ябе оставить недоеденный кусок – и Ча И Сок подбирал его без тени отвращения. Он ненавидел скользкую консистенцию до такой степени, что даже не прикасался к кашам или пудингу. Но сперму Ябы высасывал до последней капли.

Его перфекционизм работал как сломанный светофор, то безучастно мигал жёлтым, то внезапно загорался красным. И тогда... Подбор домработницы напоминал вербовку в контрразведку, а курьерам, приближавшимся более чем на 500 метров, грозила встреча с группой быстрого реагирования.

Он был до болезненности педантичен в домашних делах, но при этом во многом оставался небрежным. Пьёт кофе или ест – обязательно что-нибудь прольёт на одежду. Едва заметив место, куда можно присесть, он тут же плюхался туда и расплывался как моллюск без раковины, а уж сколько раз опаздывал на работу, из-за того, что любил поваляться в постели...

Нередко он являлся в офис в рубашке, застёгнутой наперекосяк.

Повседневная неадекватность резко контрастировала с его профессиональной выдержкой, и это вызывало недоумение. Когда окружающие начинали воспринимать его как неисправимого разгильдяя, он погружался в работу, демонстрируя пугающую одержимость.

В быту Ча И Сока изъяснялся настолько грубо и неприлично, что хотелось провалиться сквозь землю, но в деловых переговорах он превращался в оратора, способного даже Будду заманить в церковь.

Он делал такие абсурдные заявления, что собеседники теряли дар речи, и в этот момент ловил на крючок даже самые привередливые европейские компании, заставляя их соглашаться на технологическое партнёрство.

Даже когда Яба убедил врача сделать операцию с использованием желаемых размеров, пока тот лежал под наркозом Ча И Сок «обработал» хирурга и изменил параметры на совершенно никудышные.

В двух словах, Ча И Сок был бессовестным циником, дьяволом во плоти, не знающим стыда и

сожаления.

Яба рухнул на кровать и так впился глазами в учебник, что тому не поздоровилось бы, будь он живым. Его ярость вытеснила все мысли об экзаменах и прочих делах. Он был абсолютно уверен, что после операции обнаружит у себя яйца королевского размера и откроет новый мир. Но когда очнулся после наркоза и заглянул вниз, то понял, что размер явно не соответствует заказанному и мир померк. Даже гадать не пришлось, чтобы понять, кто за этим стоял.

Яба готов был придушить эту сволочь Ча И Сока и докторишку, а потом покромсать обоих на куски, но увы, наркоз ещё не до конца отпустил, да и ножа под рукой не оказалось.

Стиснув зубы, Яба вернулся на операционный стол и безмолвно требовал повторной операции. Врач поспешно ретировался, а Ча И Сок, суля золотые горы, еле стащил его оттуда.

Юноше хотелось бить себя по лбу. Как он мог забыть, с кем имеет дело? С бессердечным аферистом, для которого не писаны ни законы, ни заповеди.

Дома Ча И Сок ещё несколько дней заискивал перед Ябой и ублажал его. Но тот всё не мог успокоиться, даже когда рвал Ча И Соку волосы, и орал на него матом. Яба мог бы выпрыгнуть из окна, но мерзавцу это было бы лишь на потеху. В конце концов Яба нашёл неожиданный выход своей мести: просто объявил свое тело неприкосновенным. И о чудо - метод сработал на удивление хорошо.

- Нужно поесть.

В этот момент дёрнулась дверная ручка. Не дождавшись ответа, Ча И Сок слегка постучал пальцами по двери.

- Открой.

Ответа не последовало.

- Я не люблю повторять.

В его голосе зазвучала сталь. Яба продолжал молча смотреть на дверь, не шевелясь. Снаружи слышался вздох, а затем тишина. Та самая, что бывает перед бурей.

И тогда...

Удар!

От грохота стены содрогнулись, дверная ручка вылетела и подпрыгивая покатила по полу.

Ну вот, опять! С недовольным цоканьем Ча И Сок вломился, сжимая в руке молоток. Жутковатая тень попыталась следом проскользнуть в щель, но И Сок захлопнул дверь, осадив незваного спутника. Яба втянул голову в плечи, его глаза горели яростным огнем.

- Молчаливый бойкот - пожалуйста, отдельные кровати - без проблем. Но дверь запирать нельзя, такое условие.

Голос звучал мягко и почти ласково, но в глазах читалась угроза. Яба ответил таким же острым взглядом.

«Пошёл нахер».

Ча И Сок, умелый ловец мыслей, выуживал лишь то, что не хотелось говорить. Он полулёг на кровать, пытаясь поймать взгляд. От него слабо пахло сигаретами. Яба уткнулся в учебник. Ча И Сок нарочито склонил голову, снова попадая в поле зрения. В ответ Яба стал с силой перелистывать страницы - бумага несколько раз со свистом рассекла воздух, отшлёпав директора по лицу.

Ча И Сок умолял перенести операцию хотя бы на день - и получил эту отсрочку. А оплатил таким подлым образом. Впервые за всё время Яба по-настоящему разозлился на Ча И Сока. Его пальцы грубо забарабанили по огромному экрану смартфона, открывая заметки. Электронное перо закрипело, оставляя гневные росчерки.

[Верни всё]

- Что вернуть?

[До того. До операции. Верни всё назад]

- Не могу. И ты это знаешь.

[Тогда зачем ты влез и всё испортил?]

- С размером перебрать - хуже, чем недобрать.

[Что может быть хуже, чем сейчас?]

- Ну почему. Они такие аппетитные, просто загляденье. Даже сидя на совещании, только о них и думаю.

Яба тут же закрыл его рот ладонью.

«Заткнись! Не хочу это слышать!»

- В любом случае, в твоём теле не хватило бы жира, - спокойно заметил Ча И Сок.

Сознание Ябы поплыло. В зеркале рядом с Ча И Соком сидел не пухляш с трясущимся подбородком, а бледный человек. Чужак, который казался знакомым. Яба напрягся, чтобы удержать разбежавшиеся мысли.

[Твой друг обещал мне такой размер]

- Ну, сболтнул под твоим давлением. Может, хотел угодить.

[И как понять, под давлением он говорит или нет? И откуда тебе знать, что для меня лучше? Может, тогда сам будешь оперировать? Ты разбил мои мечты!]

Горло сжалось так, что пришлось остановиться и сглотнуть. Яба резко вскочил и направился напрямик к выходу. Десять лет он вынашивал эту мечту. И вот, психопат-наркоман её растоптал. А ведь Яба лелеял её, с трепетом ожидая своего часа.

Даже бастуя, Яба продолжал усердно питаться - всё ради яиц, а то хуже заживут. Вот и приходилось терпеть позор и жевать, давясь злостью. Яба сверкнул глазами.

[Катись! Твои кулинарные подношения и твоя рожа мне осто...]

Голова внезапно оказалась в тени. В ожидании нападения губы Ябы рефлекторно сомкнулись, но в то же мгновение по ним успел скользнуть кончик языка И Сока.

- Ну хоть попробуй.

Взгляд Ябы был как ледяная стена: «Никакого проникновения!»

А если этот притворный гад сунется, то останется без языка. Но он схватил Ябу за затылок и не давал выкрутиться, принуждая к зрительному контакту. Они пристально смотрели друг на друга, пока Ча И Сок не начал медленно моргать. Веки сонно опускались и поднимались. Каждое движение как команда. Яба, сам того не осознавая, стал синхронно делать то же самое. Монотонный ритм расслабил его напряжённые нервы и мышцы лица. В этом душном, странном ритуале даже почерк Ябы стал вялым, буквы расплывались:

[Что за..]

- Поцелуй по-кошачьи, - ответил Ча И Сок. И добавил: - Лучший способ усмирять сердитых кошек.

Яба ушёл в угол комнаты и, присев за маленький стол... тут же вскочил. Теперь даже такая простая активность требовала бдительности. Мошонка ещё не зажила и, если Яба усядется на швы, то проблемы обеспечены. Он зашагал на кухню. Распахнул холодильник и достал бутылку воды. Ча И Сок быстро сообразил и протянул стакан, но Яба его проигнорировал и, приложившись прямо к горлышку, выпил всё залпом. Даже холодная вода не смогла остудить его. Он грохнул пустую бутылку на барную стойку и вернулся в комнату. Ча И Сок поплёлся следом, а за ним извиваясь жёлтыми зигзагами проплыло нечто.

«Сбегу отсюда», - решил Яба.

Он пришёл сюда налегке, и уйдёт так же. Приближались шаги Ча И Сока, но Яба был уже у двери. Он ощутил холод на лодыжке, змеиный хвост намотался на щиколотку, не давая сделать и шагу. Очередная подлость - чего ещё ожидать от зловредной твари? Яба попытался выдернуть ногу, но гадина уже заметно выросла и окрепла. Теперь даже её хозяин с трудом с ней справлялся, не говоря уже о Ябе. Он, стиснув зубы, попытался надеть обувь - пусть хоть питон висит на нём! Сунни сжался вокруг ноги узлом, а потом резко выпрямился в направлении комнаты, рванув Ябу за собой. Юноша ухватился за дверную ручку, но ноги скользили как по льду в противоположную сторону.

Ча И Сок воспользовался моментом и схватил его за руку.

- Хорошая работа! Почти горжусь, - бросил он питону и, довольно ухмыльнувшись, пнул его в голову.

Тот грациозно отклонился и с упругостью маятника вернулся в исходное положение. Будто вырастая из пола, он поднял голову и бросился вперёд. Распахнул пасть и вцепился в бедро И Сока. Жёлтая кожа была покрыта старыми шрамами, но и на теле Ча И Сока краснели следы змеиных укусов. Наступив на голову Сунни, строгий хозяин отфутболил его на кухню.

Яба решительно рвался к входной двери, но его постоянно разворачивали. В пылу хаотичной потасовки он ударил Ча И Сока в бок. Тот согнулся.

- А-ах...

Он слегка осел и прислонился к стене.

Яба заморгал, вспомнив про заживающие раны Ча И Сока. Руки юноши замерли у поясницы директора, не решаясь прикоснуться. Тот скорчился от боли, прищурив глаз.

- Кажется, раны открылись...

Пальцы Ябы легли на больное место. Эти повреждения были бы сущим пустяком, если бы не проклятая немота. Словно прочитав его мысли, мужчина провёл дрожащим пальцем по его губам.

- Не напрягай связки. Просто подуй... - сдавленно выдохнул Ча И Сок, - в мою «флейту».

Яба резко отпрянул. От бесстыдных слов его лицо залилось краской. Он был взбешён. Ча И Сок перехватил его руку.

- Ты же знаешь, с тобой я серьёзен, даже когда притворяюсь, - сменив тон, сказал директор Ча.

Он переплёл свои пальцы с пальцами Ябы, поднёс их к своим губам, и прихватил клыками те места, что называл «кошачьими подушечками».

- Как мне загладить вину?

Яба упрямо смотрел себе под ноги, пока Ча И Сок не заполнил весь обзор. Чтобы заглянуть в лицо юноши ему пришлось встать на колени.

- М-м? Мотылёк...

Из сплетения пальцев, Ябе удалось высвободить один. По его кончику Ча И Сок провёл губами, затем стал покусывать подушечку, тут же лаская следы укуса языком. Шёпот просочился сквозь пальцы:

- Я виноват.

Его губы переключились на указательный палец.

- Прости меня.

Губы двигались от пальца к пальцу. ...Средний, безымянный... На каждом суставе оставался влажный след покаяния. Ко второй фаланге мизинца оборона Ябы начала сдавать позиции.

От касания губ каждый раз щекотало под нёбом. Яба наблюдал, стиснув зубы. Но чёрные зрачки чутко отслеживали каждое изменение. Отпетый наркоман стоящий на коленях и вымаливающий пощады - это зрелище не разжалобит разве что нарколога. Да если бы не Яба, он вообще однажды не проснулся бы. Ча И Сок должен благодарить своего немого мученика.

Яба всё ещё ощущал тяжесть на лодыжке. Незаметно попробовал стряхнуть змея, но тот

намертво прилип к нему. Вес был таким, что юноша едва мог поднять ногу. Он сдался и, проведя ногтем по ладони Ча И Сока, написал:

[Обманешь снова - задущу]

Ча И Сок не ответил, но его пристальный взгляд едва заметно дрогнул. Оставляя за собой право хранить молчание, он повёл Ябу в комнату. Суни потащился следом, но хозяин врезал ему по морде и захлопнул перед носом дверь.

Когда они остались одни, Яба заставил его раздеться и показать шрамы. Осмотрев их, он понял, что Ча И Сок снова его обманул.

«Флейта, говоришь? Пусть засохнет!»

Но на этот раз Ябе не хотелось злиться.

* * *

После ужина Ча И Сок стоял у раковины, смывая остатки еды с посуды. Под серой рубашкой угадывались крепкие мышцы, которые перекачивались, превращая простые движения в плавную хореографию. Немного помятая рубашка и свободные брюки выглядели так, словно их пошили специально для него. А по тому, как легко и лениво он носил одежду, казалось, что это тело скрывает больше, чем показывает.

Яба убрал мелкие тарелки в шкаф и встал рядом. Он избегал домашней работы не из-за лени. Ему просто нравилось украдкой наблюдать, как это делает Ча И Сок. Под мелодичный перезвон тарелок и скрип губки, юноша вдруг понял, что его всё время беспокоило.

Беспорядок в шкафу для посуды резал глаза. Яба поправил кружки: ручки - строго под 45 градусов, золотые узоры - только наружу. Лишь когда на полке воцарился порядок, Яба расслабил плечи. Эта привычка внезапно возникла и проявлялась только дома у Ча И Сока. Тот сообразил, в чём дело, и теперь расставлял посуду по правилам Ябы.

Как Яба мирился с безумствами Ча И Сока и устоями его мира, так и Ча И Сок принимал Ябу с его маниями и брезгливостью. Два сломанных механизма, которые вдруг начали работать в паре. Никаких «почему», никаких «исправься». Ча И Сок не спрашивал, зачем Яба переживает руки по десять раз, а Яба не комментировал его ночные блуждания по квартире. Они просто знали: так надо.

Яба игриво ткнул Ча И Сок пальцем между лопаток и повёл вдоль позвоночника.

[Может, я помою посуду?]

Ча И Сок усмехнулся.

- Провалишь экзамен - и будешь делать это каждый день. Лучше наблюдай и вдохновляйся.

[Ага]

Яба выводил на спине Ча И Сока чёткие буквы. Мысль выучить язык жестов мелькнула, но была тут же отброшена - слишком хлопотно. Когда под рукой не было телефона и стилуса, спасали бумага и карандаш. А если и их не оказывалось, то ладонь Ча И Сока становилась полем для письма. Его спина, грудь, живот превращались в записную книжку, а в арсенале Ябы имелось целых десять «карандашей» в виде пальцев. Иногда Ча И Сок отвечал, рисуя ответ на коже Ябы. В отличие от Ча И Сока, который улавливал всё с первого раза, для Ябы приходилось чертить по несколько раз, чтобы он понял. А если и это не срабатывало, они переходили на беззвучную артикуляцию. Ведь даже песню можно чувствовать не только ушами, а слова не всегда нуждаются в голосе.

Ча И Сок упрямо игнорировал посудомоечную машину. Когда Яба спросил, зачем он делает такую утомительную работу вручную, тот ответил: «Тогда меня есть предлог поставить тебя рядом, чтобы ты смотрел на меня». Так и повелось.

Чёрный свитер, который Яба носил, имел глубокий вырез, который почти доходил до груди. Всего лишь лёгкий наклон и он уже сползает с плеча, требуя внимания. Но зато, это была его собственная одежда и по его вкусу.

Яба облокотился о раковину, нависнув над ней. Беззаботно побарабанив пальцами по лужице на столе, он вдруг прислонился щекой к плечу Ча И Сока. Тот замер с тарелкой в руках.

Медленный, тяжелый взгляд скользнул вниз. Тепло дыхания запуталось в волосах Ябы, а мышцы под щекой напряглись. Удивительно, как распутник, способный на любые извращения, смутился от простой человеческой нежности.

Случайно завернувшийся воротник рубашки Ча И Сока привлёк внимание Ябы. Он машинально протянул руку и поправил его. Едва пальцы коснулись ткани, юноша почувствовал, как густеет чёрный взгляд, направленный на него.

Четыре дня без полноценной близости. Лишь сексуальная игра, не доходящая до главного. И глаза Ча И Сока всё время были голодными. Кончик его языка скользнул по веку Ябы. Опасный знак. Юноша отстранился и поспешил в свою комнату, ощущая, как разгоревшийся взгляд преследует его, облизывая от пяток до затылка.

Яба лёг на кровать и решил переждать, пока Ча И Сок закончит дела на кухне. Ноги всё ещё ныли от недавней борьбы за ужином, после которого оба остались недовольными: Яба ел стоя, опасаясь за свои «драгоценности» и столкнулся с попытками Ча И Сока усадить его к себе на колени. Ни один из них не преуспел.

Теперь, пока тот возился с посудой, наконец появилась возможность отдохнуть.

Дверь в гардеробную была приоткрыта. Предчувствие заставило Ябу заглянуть внутрь. Ряды рубашек и брюк, висевшие по обе стороны, напоминали экспозицию в бутике.

А может, отказ носить одну вещь дважды – не блажь, а настоящий крик о помощи? Ведь бирки на одежде говорили громче любых диагнозов.

Яба прошёл к дальней стене. В такой гардеробной, меньше всего ожидаешь увидеть беспорядок, но тут явно похозяйничали: бельё было раскидано по полу, а из комода свисал жёлтый змеиный хвост и лениво покачивался. Нахмурившись, Яба выдвинул ящик. Ну, конечно, кое-кто устроил там гнездо, зарывшись в бельё. Из складок ткани на Ябу смотрел красный глаз.

Так уютный террариум Суни с опилками и температурным режимом оказался не востребовавшимся, ему предпочли ящик в комode. И не какой-нибудь, а именно второй сверху. Логика этого выбора оставалась непостижимой.

Раньше Яба видел, как питон встаёт и открывает дверь, и там всё просто: надавишь головой на ручку и она поддаётся сама. Но как змея справляется с ящиком...

Второй сверху ящик был довольно высоко и выдвигался параллельно полу. Однажды вечером Яба обклеил комод скотчем, чтобы закрыть доступ, но на утро снова увидел проходку внутри. Как можно проигнорировать законы физики и открыть ящик без рук?

Придётся перестирать все трусы, на которых лежала эта гадина. Наверняка, под желтыми чешуйками миллионы бактерий, и бедные яйца Ябы в зоне риска. Если подхватить заразу, то всё! Пиши пропало.

Недовольно пыхтя, Яба извлёк Суни из недр комода.

Где-то Яба читал или слышал, что змеи когда-то имели ноги, но утратили их в процессе эволюции. Он вспомнил, как из живота Суни иногда вылезали странные отростки. Скорее всего, это те самые рудименты ног. На этот раз Яба их поотрывает.

Он навалился коленом на брюхо змеи ровно настолько, чтобы не раздавить внутренности, а рукой прижал голову, лишив возможности двигаться.

Зловредное создание ещё немного поёжилось, будто пытается высвободиться, но вскоре затихло. Яба ощупал холодное брюхо в поисках той странной щели, которую видел раньше. Изучая поверхность и ковыряя чешуйки, он вдруг увидел, как кожа раздвинулась и изнутри показалось нечто тёмно-красное. Вот они, те самые остатки ног. Отростки наливались соком и увеличивались прямо на глазах. Их поверхность блестела, напоминая кожуцу инопланетного

фрукта. Только тронь - и твоё тело колонизируют эндопаразиты.

Испытывая необъяснимое отвращение, Яба не хотел касаться этого голыми руками. Он взял галстук Ча И Сока и натянул между ладонями, собираясь перевязать потайную щель, чтобы змея не смогла пользоваться своими ногами. Но животное опередило Ябу. За секунду, жёлтая голова резко поднялась, вытянув тело вертикально. Яба опешил. В следующий момент вся стокилограммовая гора мышц накинута на юношу, заставив того съёжиться. Питон обвил его, опустил голову и посмотрел в упор. Глаза, излучающие красное сияние, предупреждали: «Не смей сопротивляться».

Зловещее создание прижало голову Ябы к полу, своей раскрытой пастью обхватив лоб. Оно ритмично тёрлось хвостом о ноги. На лицо и волосы Ябы стекала вязкая субстанция. Время на раздумья не было. Яба выскользнул и бросился прочь. Пулей выскочил из гардеробной и захлопнул дверь.

«Это не конец. Я ещё вернусь».

В последнее время питон совсем озверел - руки Ча И Сока покрывали укусы до самых плеч. Змея постоянно ползала за Ябой хвостиком и при удобном случае приставала к нему. Но после операции Ча И Сок стал особенно настороженным. Как только замечал, что питон хочет пристроиться рядом с Ябой, тут же сжимал кулаки. Они не могли находиться в одной комнате дольше пяти минут, не подравшись. Каждая стычка длилась до первой крови.

Однажды домработница, приняв Суни за чучело, решила смахнуть с него пыль и тут же рухнула в обморок.

- Я покормил эту занозу... вчера. Всё в порядке. Обычно поведение очень спокойное, - бодро сказал Ча И Сок.

[Оно и людьми питается?]

- Крокодилами - с хрустом. Но людьми... - И Сок посмотрел на уборщицу, - только теоретически.

Та сбежала, даже не спросив про оплату.

Посторонних в квартире Яба не любил. Все, кроме него и Ча И Сока, были чужаками, которые не должны переступать порог его жилища. Как только появлялся гость, Яба не находил себе места. Каждый считался угрозой.

Воспользовавшись случаем уединиться, Яба собрал все трусы, хранившие следы животного и сгрёб в кучу. Без оглядки поспешил в ванную и загрузил стиральную машину. Швы после операции заживали хорошо, до снятия оставалось ровно десять дней. Он считал минуты и

часы, когда сможет увидеть свою новую мошонку, но путь к идеальному мужскому телу требовал терпения.

Его новоприобретённые «драгоценности» нуждались в просторном белье, чтобы иметь достаточно свободы. Сидеть позволялось только с расставленными бедрами на краю стула, и никаких «нога на ногу». Мыться разрешалось только по истечении недели, и если прочие предписания не вызывали вопросов, то с немывьём Яба смириться не мог. Даже после победы над насекомыми, когда в частом мытье отпала необходимость, он не мог отказаться от трёхкратного душа в день. Но всё таки нашёл выход: обматывал себя ниже талии полотенцем, так чтобы вода не проникала в оберегаемую область и, подставив корпус под душ, мылся на весу.

Яба запер дверь ванной, опустил жалюзи на окне. Но и этого было недостаточно, он тщательно осмотрел душевую кабину, затем заткнул сливное отверстие, и только после этого наконец встал перед зеркалом.

Он вздрогнул, увидев в зеркале бледного человека. Алый свет лампы мягко ложился на его лоб и выделял ожоги и шрамы, совершенно идентичные тем, что были у Ябы. Зеркало по-прежнему вызывало отвращение, но не страх. Неужели он наконец столкнулся с той правдой, о которой говорил Ча И Сок?

Будь то встреча с истиной или поражение, Яба и бледный человек теперь стояли по разные стороны стекла, изучая друг друга на равных.

Яба медленно отвел взгляд и осмотрел пол. Ещё раз проверил, заперта ли дверь, и спустил брюки с трусами до колен. Под обвисшим пенисом виднелась мошонка, аккуратно набитая и туго затянутая нитями – уже не сморщенный мешок, который каждый раз, при походе в туалет, заставлял Ябу прятаться в кабинке. Теперь эта часть тела стала полноценной и настоящей. Правда, неудобный угол обзора затруднял осмотр. Сняв трусы полностью он сел на пол.

Закинув одну ногу, Яба пытался поймать удачный ракурс, но вялый член постоянно перекрывал обзор. Затем, он повернулся спиной к зеркалу и расставил ноги. Склонившись вперёд, он пытался заглядывать и с одного бока и с другого, лишь неуклюже сверкая бледным задом перед зеркалом. От всего этого только шею свело и закололо в боку. В поисках решения он порылся в шкафчике и нашёл маленькое ручное зеркало.

Яба сел на корточки в углу и, прислонившись к стене, поднёс зеркальце к промежности. Теперь мошонка обозревалась целиком. Некогда бесформенная оболочка, подобно кожаным латам бережно охватывала драгоценные яйца. Они пружинили под пальцами и были до безумия прекрасны. Яба решил больше не трогать их, чтобы не повредить. Разглядывал их под разным углом, не в силах оторваться.

Врач сказал, что никаких неудобств не возникнет. Однако они подстерегали на каждом шагу: во время еды, учебы и многого другого, превращая каждый день в испытание. По ночам Яба просыпался и бежал в ванную, чтобы проверить, не вспотела ли кожа и нет ли опрелостей.

Постоянно сушил промежность. Ча И Соку было запрещено касаться всего, что у Ябы ниже пупка. Спал очень чутко из страха, что тот начнёт его трогать. Однако Яба нёс эти тяготы с гордостью.

Идеальной формой яиц он мог любоваться бесконечно.

Если бы не размер... Но требовать от судьбы большего – это уже жадность. Пора бы остановиться.

Как только заживёт, Яба пойдёт на пересадку лобковых волос.

«И на этот раз без Ча И Сока», – решил он, слегка погладив яички.

Вдруг в дверь постучали.

– Открой.

Яба вскочил, натягивая штаны на ходу. Из-за двери донесся приглушённый голос:

– Нужно нанести мазь.

Яба приоткрыл дверь. И Сок стоял, непринужденно прислонившись к косяку, и помахивал тюбиком. Яба протянул руку в проём, но схватил лишь воздух: Ча И Сок резко убрал руку. Прежде чем Яба успел среагировать, дверь распахнулась настежь.

– Ты не достанешь, а надо обработать тщательно.

Яба потряс открытой ладонью, требуя отдать мазь. Но Ча И Сок и не думал выполнять просьбу. Пальцы Ябы прочертили на запотевшем стекле:

[Я сам]

Но прежде чем он успел дописать фразу, Ча И Сок её стёр.

– Забыл? Антидепрессанты превратили твой иммунитет в решето. При таком стаже приёма ты не сможешь сопротивляться бактериям.

Яба снова дохнул на зеркало и написал.

[Врач сказал, всё ОК]

Ча И Сок вздёрнул бровь.

- Он тебе ещё и не такое скажет. Ну и наивный же ты.

[О нём хорошие отзывы]

- Ты, наверное, не заметил на консультациях, как дрожат его руки. Разве смогут они нормально оперировать, если по ночам делают белые дорожки.

[Но у него блестящая репутация]

- Всё, что блестит, привлекает идиотов. Даже если это скальпель.

Ча И Сок отвернулся от зеркала, давая понять, что читать больше не собирается.

- Вспомни, недавно ты нанёс мазь кое-как, и чуть не заработал сепсис.

Яба поднял голову. Его пальцы Ябы мелко задрожали.

[Я? Когда?]

- Два дня назад. Пришлось везти тебя в клинику с температурой. Ты сильно испугался и сам просил тебе помочь.

Яба напряг память. Воспаление? Клиника? Ничего не помнит. Такое нельзя просто забыть... Хотя в последнее время он действительно стал забывчивым. Может, так и было? А ведь и правда, яички выглядели немного отёкшими.

Ча И Сок продолжил:

- Если пустить всё на самотёк, начнётся гангрена, которая затронет не только мошонку, но и ноги. В худшем случае это грозит ампутацией.

Дыхание перехватило. Одна мысль о таком исходе вызывала у Ябы ужас.

- Иди ложись и снимай штаны. - скомандовал Ча И Сок, дёрнув подбородком в сторону. - Подними попу повыше, чтобы всё было видно.

Ча И Сок просунул колено между ног Ябы и развёл их пошире. Штаны с трусами сползли до голеней. Яба напрягся, готовясь к прикосновениям. Ча И Сок приблизил лицо к промежности и

пристально всматривался.

Одной рукой прижав юношу, второй – он закинул его ногу себе на плечо, заставив упереться ступнёй. Пальцы с холодной мазью начали плавно двигаться. Каждый виток пробуждал странное, щемящее напряжение. Яба схватил покрывало и сжал складку зубами. Так он мог вытерпеть это унижение, что было безусловно лучше, чем ампутация. Покрывало быстро пропиталось слюной. Зеркало на двери гардеробной беспристрастно отражало весь этот неприглядный процесс.

- Будешь так дёргаться и мазь попадёт куда не надо.

Холодные пальцы коснулись запретной зоны. В голове уже не оставалось мысли о том, что это всего лишь медицинская процедура. Пальцы исследовали кожу с такой тщательностью, что можно было почувствовать узоры их отпечатков. Сначала он едва касался, затем усилил давление.

Горячее дыхание обдавало незащищённую область. Сильная рука сжала бедро. В тот момент Яба ощутил влагу между ягодиц. От страха помутилось в глазах. Яба не сразу осознал, что это был язык. Горячий и настойчивый, он скользнул по промежности к яйцам. Яба дёрнулся, как от удара током.

Ча И Сок перевернул Ябу на живот. Прижав его сверху, расстегнул молнию, извлёк свой член и прижался к ягодицам. В расширенных зрачках пульсировала опасная решимость.

- Впусти меня, – выдавил Ча И Сок, – не могу больше.

Яба вздрогнул и попытался пнуть его ногой, но Ча И Сок перехватил его за талию и грубо притянул к себе.

«Нет!» – замотал головой Яба, пытаясь отползти, но было уже поздно.

Влажная головка протиснулась между ягодиц, и Яба ощутил, как нагревается его анус.

«Если он войдёт, то всё уничтожит».

Сознание рисовало страшные картины: его тело будут сотрясать и скручивать, а яички...

- А-а-а! – вырвался голос.

От нахлынувшей боли в горле Яба сжался и скомкал одеяло. Ненасытные руки остановились.

- Успокойся, - выдохнул Ча И Сок, будто ругаясь.

Непонятно, кому он это сказал, себе или Ябе.

- Я ничего не сделаю, просто успокойся.

Ча Сок погладил Ябу по позвоночнику, затем его руки опустились ниже и раздвинули ягодицы. Тяжело дыша, он растянул их в разные стороны, будто хотел разделить, и тихо ругался. Прижал свой член к ступне Ябы и водил мокрой головкой по пальцам.

Повернув голову юноши, он приник к его губам и произнёс почти злобно:

- Целуй меня... пока я не кончу.

Его ласки балансировали на грани нежности и агрессии. Переведя дыхание, Яба просунул язык ему в рот и успокаивающе лизнул нёбо. Но это лишь разожгло аппетит зверя, который томился внутри Ча И Сока. Он втокнул язык настолько глубоко, что вызвал рефлекторные спазмы. Язык Ча И Сока, его чувствительный источник удовольствия, выскользнул изо рта юноши и влажно прошёлся по лицу, пробуя кожу на вкус.

- Поласкай мой язык. Соси сильнее... Х-м-м...

Напор и стоны Ча И Сока нарастали. Яба смачно втягивал его эрогенную часть тела. Слизистые оболочки их ртов сливались в тесном пространстве, затем разъединялись и снова сливались. Вспотевшая кожа Ча И Сока блестела на свету, а его язык двигался во рту будто фаллос, заставляя веки Яба тяжелесть от поднимающегося возбуждения.

- Повторим, чему я тебя вчера научил.

То, чему его учил Ча Сок, выходило далеко за рамки школьной программы.

Яба, словно нанося блеск для губ, размазал слюну по его губам. Ча И Сок тут же её слизнул. Он откинулся и расслабил губы, впуская партнёра в себя глубже и отдав ему инициативу. Яба обвёл язык Ча И Сока своим, создавая сладостное трение. В глазах Ча И Сока мелькнул голодный блеск, но он опустил веки.

- М-м-м...

Ча И Сок взял Ябу за руку и положил к себе на член. Напряжение усиливалось, учатившиеся вздохи и влажные звуки становились всё громче. В помутневшем сознании Ябы остались лишь эти пышущие жаром глаза.

Как участники тайного ритуала, они исследовали друг друга, смешивая слюну и дыхание в опьяняющий коктейль.

Ча Сок резко выпрямился, и оперевшись на руку, навис над Ябой. Стоя на коленях он зажал его тело между своих бёдер. Из расстегнутой ширинки полностью высвободился набухший член. Головка, источающая прозрачную жидкость, оказалась в сантиметре от лица юноши. Даже когда Ча Сок задрал рубашку Ябы до самой шеи, тот мог только безучастно наблюдать, словно в трансе.

Ча И Сок потёрся членом о шею Ябы, затем резко вклинился в пространство подмышкой, и начал ритмично толкаться. Его горячее дыхание смешалось с запахом кожи, вытесняя все воспоминания, которые так долго не отпускали Ябу. Держа край рубашки зубами, он зажмурился.

Член выскользнул из под руки и прошёлся по соскам, заставив затвердеть. Дыхание Ча И Сока стало прерывистым.

На грудь Ябы вылилась тёплая жидкость. Послышались хлюпающие звуки, будто выплёскивали остатки. Подобно дикому зверю, который метит территорию, Ча И Сок размазал выделения по соскам Ябы, животу и в паху. Густой запах окружил его. Яба не желал открывать глаза, пока всё не закончится. Потом юношу придавило горячее тело.

- Когда швы заживут, получишь по полной.

Ча И Сок прикусил трещинку на нижней губе Ябы. Он оттянул её и слизнул выступившую кровь.

- Я проглочу тебя целиком.

<http://bllate.org/book/14585/1293841>